

К изучению армянских крестьянских жилищ *.

(Карабахский карадам).

За сравнительно короткий срок — столетие или чуть более того — даже в самых отдаленных уголках нашего края совершилось коренное видоизменение бытовых особенностей, сохранявшихся с изумительной устойчивостью в течение не одного десятка веков. Этот процесс, с каждым поколением расширяясь и углубляясь в быстром темпе своего развития, коснулся не только внешних, чисто материальных сторон быта, но и, не в меньшей мере, всего психического уклада населения. Будучи вполне естественным и по своему существу бесспорно прогрессивным явлением, он повелительно выдвинул перед наукою неотложность спешного зафиксирования тех, не успевших еще исчезнуть, пережитков старины, которые могут облегчить нам понимание основного направления и отклонений в поступательном ходе прошлой культурной жизни местных народов. Между прочим, сохранившийся этнографический материал помог бы разобраться и в проблемах местного искусства, в частности в вопросе о происхождении тех своеобразных черт армянской церковной архитектуры, которые отмечены новейшими исследователями строительного искусства, хотя бы в одной из последних работ венского профессора Иосифа Стриговского: „Die Baukunst der Armenier und Europa“ (1918 г.). Как бы ни были основательны доводы, приводимые в подтверждение мысли о заимствовании многих элементов армянских церковных построек извне, из прилегающих стран, тем не менее едва ли возможно отрицать тот факт, что на армянской почве эти заимствования не только получили новое сочетание, но и приобрели значительные наслоения, придавшие им оригинальный характер. Эти, чисто локальные, особенности, несомненно, были подсказаны местными строительными навыками, зародившимися и окрепшими под непосредственным воздействием определенных геогра-

* Из доклада, читанного на Собрании ученых членов КИАИ 29/1, 1925 г.

фических условий. Вопросы о форме купола, о технике его возведения, об основных чертах храмового плана, о конструкции т. н. „жаматун“-ов и „гавит“-ов—храмовых пристроек и пр., повидимому, получают удовлетворительное объяснение лишь в связи с изучением форм и элементов армянской народной архитектуры, как они выявлялись на т. н. „простонародных“, крестьянских постройках.

К сожалению, далеко еще не собран и не систематизирован весь материал, необходимый для выяснения основных черт этой отрасли армянской архитектуры. Правда, в изданиях Е. Лалаяна при этнографическом описании той или иной провинции упоминается и о крестьянских домах этих местностей, однако у него дело не идет дальше общего, очень беглого и нередко смутного, перечисления некоторых частей здания, без снабжения какими-либо планами и чертежами¹. Попытку дать сравнительный обзор планов армянского крестьянского жилья сделал еще в 1892 г. П'арсадан (ныне архиепископ Месроп) Тер-Мовсесян в работе: „Das armenische Bauernhaus. Ein Beitrag zur Culturgeschichte der Armenier“ (Wien)². Мысль об этом исследовании автору подали изыскания Meringer'a и Henning'a о немецком крестьянском доме в связи с выяснением сходства этого дома с первоначальным индо-европейским домом, причем его поразило то обстоятельство, что „армянский крестьянин“ и теперь все еще строит свой дом по образцу индо-европейского прототипа, „особенно его греческой разновидности“. Автор писал свою работу в Вене по личным воспоминаниям детства и отрочества, проведенных в пределах б. Елисаветпольской губ. (преимущественно в Зангезуре и Карабахе), и по данным, собранным со слов армян-эмигрантов, переселившихся в столицу б. австрийской империи из разных частей Армении, главным образом, турецкой. Неудивительно, что описания и планы его не касаются самых существенных частей здания (напр. конструкции потолка) и потому дают очень мало исходных положений для дальнейших выводов. А между тем, детальные материалы могли-бы нас обогатить данными не только для выяснения местных архитектурных традиций, но и для установления древних культурных связей, для

¹ Кроме основного плана сисаканского (в Зангезуре) дома.

² См. армянский перевод этой работы: *Պարսադան Թեր-Մովսեսյան, Հայ գյուղական տները*, пер. с немецкого [„*Աղագյի Մտտնադարան*“ XIII], Вена 1894. Кстати, немецкая редакция впервые была напечатана в „*Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*“ XXII Band, 1892, стр. 125—172, а армянская (в переводе с немецкой)—в „*Հանդէս Ամսօրեայ*“ за 1893 год.

раскрытия тех этнических элементов, которые вошли в состав отдельных провинциальных групп, охватываемых теперь общим понятием „армянской“ народности, и т. д.

Собирание этих материалов в настоящее время затруднено несколькими обстоятельствами. Прежде всего, в виду почти полного исчезновения армянского населения в пределах Турции, мы лишены уже возможности изучать на месте народную архитектуру западных и южных областей „Армянского Нагорья“: ее возможно восстановить лишь со слов беженцев и на основании построек, возведенных и возводимых ими на местах нового поселения, на территории Советской Армении, конечно, постольку, поскольку они сами здесь не подчинились влиянию местных форм. С другой стороны, и в северной и северо-восточной Армении сохранилось очень мало древних крестьянских построек, так как со времени установления русского владычества почти все деревни подверглись сплошной перестройке и, под влиянием новой городской архитектуры, старые здания заменены новыми; все население вышло из своеобразных подземных жилищ, так картинно описанных еще Ксенофонтом в 400 г. до Р. Х., и устраивается в высоких домах, с окнами в боковых стенах, с покатыми крышами, крытыми железом или черепицей. Это можно сказать и относительно Нагорного Карабаха, где, при объезде с экспедицией ЗНА при ЗакЦИК'е летом 1924 г., мне удалось лишь в очень немногих деревнях, и то обычно расположенных вдали от больших проезжих дорог, обнаружить крестьянские постройки древнейшей конструкции, ранее, до установления русского владычества, доминировавшей в крае. Некоторые из них и возведены до этого времени. Только местами таковые постройки служат и до сих пор еще жильем; большею-же частью они превращены в амбары, в склады для хранения домашнего хлама, в помещения для скота, в особенности телят, или-же просто-на-просто заброшены. Все они почти не ремонтируются и после каждого ливня или весеннего таяния снегов постепенно разваливаются. Население уже повсеместно отвыкло от того образа жизни, к которому были приспособлены старые дома, и потому едва-ли можно сомневаться, что если не взяться теперь-же за описание уцелевших немногих памятников народной архитектуры, то через несколько лет сделать это уже будет немислимо.

В настоящей статье я намереваюсь предложить описание карабахского армянского крестьянского дома, на месте называемого татарским именем „карадам“, что означает *черный дом*, хотя он не имеет

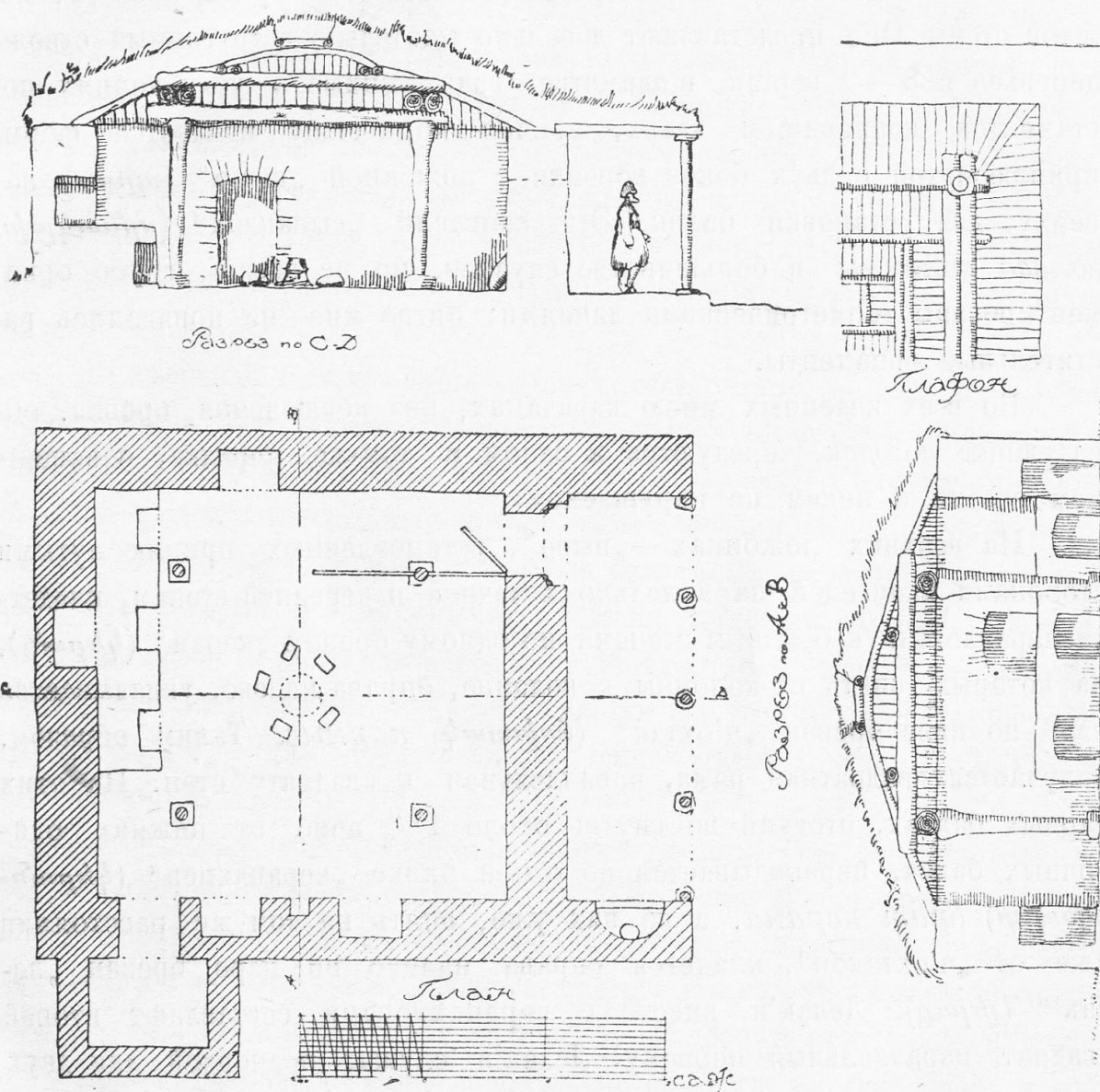
решительно никакой связи с татаро-монгольскими жилыми помещениями. Правда, и в некоторых татарских селениях можно встретить карадамы, напр. в окрестностях Гадрута, иногда очень обширные, прочно и аккуратно возведенные; однако, они везде построены армянами-мастерами в бывших зимовьях, где население от кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства сравнительно недавно стало переходить или перешло к культуре садовой или зерновой.

*
* *

Карадам обыкновенно стоит на склоне горы, так что три его стены почти целиком уходят в землю и только передняя с дверью и навесом, обращенным чаще всего на юг, стоит выше двора. Поэтому, нередко, лишь по возвышающемуся над поверхностью земли широкому усеченному конусу возможно бывает догадаться о наличии здесь постройки. Во многих местах крыша одного карадама служит двором для другого. Землянки эти со своими дворами стоят достаточно обособленно друг от друга и как-то держатся изолированно со своим внутренним миром. Даже в случае выделения кого-либо из взрослых сыновей в особую семью практиковалось возведение для него карадама не в непосредственной близости или стена к стене со старым, а всегда в некотором отдалении, повидимому, с полным хозяйственным обособлением. Этому должна была способствовать крайняя скученность старых построек, вследствие чего приходилось выбирать место для новых зданий на окраине деревни. Есть, однако, основание думать, что в древности, как это и теперь замечается даже в самых глухих районах Нагорного Карабаха, здесь не любили селиться вместе обширными, разросшимися семействами, охватывающими несколько поколений, и очень рано взрослые женатые сыновья или братья откалывались от основного очага в самостоятельную хозяйственную единицу и обзаводились своим отдельным домом. По крайней мере, все опросы относительно последних 3—4 поколений указывают на установившийся издавна обычай такого раннего выделения взрослых сыновей и братьев. При этом очень характерным является тот факт, что при переходе в новое помещение обособившаяся семья не имела обыкновения (как это делалось в других провинциях) брать с собою огонь из родительского очага для разведения первого огня у себя.

Карадам в основании всегда выдерживает строго квадратную форму, стороны которой обычно не превышают 12 арш. Стены возводи-

лись толщиной в $1\frac{1}{2}$ арш, причем лишь передняя выкладывалась более или менее тщательно, из обтесанных снаружи камней на извести, а остальные три, сидящие в земле, складывались из рваного камня довольно-таки небрежно, иногда прямо примыкая к скале. Внутри они покрывались штукатуркой из глины или гажей. Боковые стены, выдвигаясь вперед аршина на три, образуют здесь справа и слева окаймление навеса.

Карабахский „карадам“. План. Разрезы. Плафон.

Внутри помещения в стенах оставляются ниши („патран“ — *цширбиш*), начинающиеся чаще всего от пола или на высоте $1\frac{1}{2}$ арш. от него. Ниши эти служат открытыми шкапами для помещения посуды, платья, постели. Иногда для последней цели к некоторым карадам пристраивается в земле маленькое четырехугольное темное

помещение, сообщающееся с главным через невысокую дверь, завешиваемую иногда цветною занавесью. Этот чулан носит характерное название „к'ыхол“ (*к'ыхол*), т. е. *пещеры*, выдолбленной прямо в скале и не обложенной стенами.

Самой характерной частью карадама является перекрытие основного квадрата. Потолок поддерживается четырьмя дубовыми столбами-колоннами — „сюн“ (*сюн*), установленными на каменных четырехугольных постаментах по углам на расстоянии $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ —2 арш. от каждой стены. Они представляют довольно тщательно оструганные стволы деревьев в 8—9 вершк. в диаметре, водруженные в углублениях постаментов корневищем вверх, причем корневищу придается форма приплюснутой с двух боков воронки с ложбиной „пыро“ (*пыро*), наверху, для установки балок. Эти капители „сынаклох“ (*сынаклох*) *голова колонны* в большинстве случаев, но не всегда, грубо орнаментированы геометрическими линиями: нигде мне не попадались растительные орнаменты.

Во всех виденных мною карадамах, без исключения, бревна, образующие потолок, чередуются в одном и том-же порядке, освященном веками и никем не нарушаемом.

На верхних ложбинах — „пыро“, установленных приплюснутыми сторонами капителей параллельно к задней и передней стенам, кладется параллельно к боковым стенам по одному бревну „керан“ (*керан*), на которых, опять от колонны к колонне, справа налево, укладывается уже по паре бревен „ч'охтак“ (*ч'охтак*) *парные*. Таким образом, получается квадратная рама, параллельная к квадрату стен. На этих парных балках, отступя во внутрь около $1\frac{1}{2}$ арш. от нижних одиночных балок, перекидывается по одной балке „керанакпер“ (*керанакпер*) *брат керана*, а на них уже, опять на том-же расстоянии уже от „ч'охтаков“, кладется справа налево по паре бревен „лелак“ (*лелак*). Лелак'и вместе с керанакперами составляют второй квадрат, параллельный первому. Лелак'и служат подпоркой для двух деревянных дуг „кырап'ат“ (*кырап'ат*) или „хюрт'укыр“ (*хюрт'укыр*) *локти хюрт'а*, соединенные двумя перемычками „чарчыра“ (*чарчыра*): чарчыры вместе с кырап'атами образуют уже третий параллельный квадрат со сторонами около 1 аршина; это — рамка окна „хюрт“ (*хюрт*) в потолке. Для того, чтобы кто либо из детей или случайно проходящих по крыше не провалился в это отверстие, середины сторон 3-го квадрата соединены тонкими, но крепкими брусьями из де-

рева (впоследствии они заменены железными), называемыми „хычап'ат“ (*хрршфшш*) крест-брусья.

Весь этот скелет потолка плотно покрывается тесными рядами довольно толстых тесов, топором отколотых досок, — „тылакоч'и“ (*шр-шшшшшш*), которые затем постилаются камышом или соломой и засыпаются толстым слоем глины. Крыша снаружи получает форму очень широко-сидящего на квадрате усеченного конуса.

Под ч'ухтаками (двойными балками), от колонны к колонне, на высоте человеческого роста, протянуто по шести, концы которого всажены в углубления, продолбленные в колоннах. Архитектурное значение этих шестов, называемых татарским словом „салб“ (*шшшш*) или „сылбаг'ач“ (*шрршшшшшш*), местные жители не могли определить (они не отмечены в разрезе АВ). Указывалось лишь их хозяйственное назначение — для вешания ковров, платья, веревок, хозяйственных предметов...

В помещение ведет лишь одна низкая дверь, оставляемая в передней стене, обыкновенно совершенно вплотную к правому углу. Через нее приходится входить несколько согнувшись. Снаружи дверной просвет отделан тщательнее других частей здания. Края идут с откосами, снабженными нередко ложными колоннами; верх перехвачен сводом, под которым вся перемычка заложена цельным камнем, украшенным надписью с упоминанием имени хозяина или строителя, а чаще всего орнаментированным. Так, в Гадруте на одном таком камне изображены две птицы (голуби?), клюющие цветок, который помещен посредине.

Сама дверь, всегда одностворчатая и толстая, открывается во внутрь, в сторону перегородки, идущей от края двери мимо [правой] передней колонны до середины комнаты. Эта перегородка „дрбызи“ (*шшшшшш*) — не выше человеческого роста — защищает от внешнего холодного воздуха и от первых взоров входящего в отделение, находящееся у внутренней стороны передней стены, где обыкновенно и отдыхают домашние: здесь в некоторых карадамах помещаются широкие и длинные нары — „тахта“ (*шшшшшш*), покрытая ковром; чаще-же всего прямо пол покрывается циновкой и ковром.

В середине карадама, под самым отверстием в потолке, устроено едва заметное углубление для разведения костра, окруженное несколькими тесаными камнями для сидения и др. надобностей. В Нагорном Карабахе нигде не встречается „к'юрси“ (*шшшшшш*), неглубокий

„т'ондир“ (*Թոնդիր*), — т. е. цилиндрическое углубление в земле, обложенное обожженной глиной, для печения хлеба и варки пищи, — который покрывается низким столиком и поверх большим одеялом и под которым вся семья спит зимою в тех районах „Армянского Нагорья“, где мало лесу. Склоны Карабахских гор были покрыты густым лесом, и население не нуждалось в дровах. Зимой день и ночь поддерживался в доме обильный огонь, вся семья и гости располагались тут-же возле костра. Иногда дым становился до того густым, что приходилось или выходить из помещения или ложиться на землю, пока он не выходил через открытую дверь или отверстие в крыше. Неудивительно, что вся глиняная штукатурка стен и потолок чернели от блестящей, маслянистой сажи. Отсюда и название „карадам“, т. е. *черный дом*.

Напротив двери, под задней стеной, выложена из камня стойка — „дюк'ан“ (*Դյուկան*), вышиной в $1\frac{1}{4}$ арш., занимающая около $\frac{2}{3}$ длины стены. На ней укладываются посуда, мешки с мукой³ или солью, горшки с медом и вообще предметы, которые могут пострадать при поливке земляного пола. Спереди над стойкой оставлены 2 — 3 маленькие ниши, служащие для помещения разной мелочи и домашних припасов, а также заготавливаемых на зиму солений, маринадов, сушеный и т. п.

Карадам служит, собственно, зимним помещением. С ранней весны и до поздней осени вся семья живет более на открытых балконах — „сыһар“ (*Սիհար*). Сыһар обрамлен передней стеной и выступами боковых стен карадама, а спереди открыт: тут 5 — 7 столбов „сют'юн“ (*Սյույուն*) отделяют его от двора и поддерживают спереди крышу, составляющую продолжение крыши карадама и засыпанную также толстым слоем глины. Тут всегда в боковой стене, не прилегающей ко входной двери, в полунише устраивается камин — очаг⁴ для изготовления летом пищи. Нередко вся половина, примыкающая к этому камину, вдоль столбов отгораживалась на высоте в $1\frac{1}{2}$ арш. досчатою или плетенною из прутьев перегородкой, чтоб избегнуть любопытных глаз соседей и проходящих. Здесь, на этом балконе и во дворе, часто

³ Для зерна в одном из свободных углов карадама стоит большой высокий деревянный сундук на ножках — „амбар“ (*Ամբար*).

⁴ Нигде, ни в одном из посещенных мною карадамов, я внутри здания не встречал т'ондира для выпечки хлеба; по свидетельству стариков, он всегда устраивается отдельно, под особым навесом, вне карадама.

служащем крышей для нижележащего карадама, сосредоточивалась вся семейная жизнь карабахского армянина в летнюю пору.

Общим правилом в Нагорном Карабахе является устройство совершенно обособленного от карадама помещения для домашнего скота, а также птицы, чего не находим в безлесных районах Армении, где зимою люди пользуются теплотой дыхания животных и селятся под одним кровом с ними. Это — „гёмы“ (*qhoif*), значительно удлиненные, узкие и низкие постройки из камня, грубо крытые и засыпанные глиною; свет в них проникает только через дверь и еще через маленькое отверстие в стене, оставляемое для выкидывания навоза „ахц’акор“ (*ախցճակոր*). В местностях, где почва достаточно суха (напр. в районе Арак’ела, около Гадрута, сел. Дзамцор), гёмы устраиваются в искусственных пещерах, иногда глубоко уходящих в скалу „к’ыһол“ (*քըհոլ*), — почти совсем лишенные вентиляции.

До установления русского владычества карадам был единственным типом крестьянского жилья. Впрочем, и „меликские“ дворцы — „амарат’ы“ (*ամարաթ*) — мало чем отличались от них. По всей вероятности, переход от деревянного потолка к каменному в этих постройках феодалов совершился сравнительно поздно; по крайней мере, в области Варанды и Дизака очень древних амарат’ов мы не встречаем. Тут, напр., в родовом имении Мелик-Шахназарянов в сел. Аветараноц (или Чанахчи) самые древние „дворцы“ относятся к XVII в.: они принадлежат мелику Баги. Сохранились только два карадама и ясно видны следы еще трех из общего числа, по преданию, тридцати, тянувшихся в ряд в направлении с юга на север. В северном конце этого ряда стоит еще группа из трех карадамов мелика Сеира, жпешего позже мелика Баги. Этот ряд покоев задней (западной) стеной вкопался в крутой скат скалы, а передней (восточной) выходит на обширный двор, устланный тесаными плитами; по крыше свободно можно гулять, спустившись с дороги, тянущейся выше по склону той-же скалы. Фасад выведен из серого, гладко обтесаного камня. Все сохранившиеся меликские карадамы повторяют правильную форму квадрата и сообщаются друг с другом низкими дверьми. Каждый карадам имеет такую-же низкую выходную дверь во двор⁵. Внутри, в стенах, — обычные ниши, из которых одна широкой трубой выходит в крышу: видимо, огонь разводился здесь как-бы в камине, а не посреди

⁵ Камень от двери главного карадама мелика Баги снят и вделан в стену нового школьного здания и заштукатурен.

комнаты; потолок представляет крестовый свод, поднимающийся на квадрате стен и заканчивающийся наверху отверстием (һюрт'): никаких колонн ни в Аветараноце, ни в др. местах (напр. в сел. Нынги) в каменных карадамах нет. Свод выведен из неправильных, сравнительно небольших рваных камней, спаянных крепким известковым раствором. Снаружи крыша была покрыта желобчатой черепицей, остатки которой теперь ясно видны лишь у самого оконного отверстия.

Были ли и меликский карадам снабжен со двора навесом, трудно судить: прямых следов не сохранилось. Если он и существовал, то, по всей вероятности, возведен был из дерева и притом не перед всеми карадамами. Только в одной местности, у самого подножья Карабахского Нагорья, в с. Шахбулаг'е, в том месте, где из-под скалы выбивает обильный родник, целая речка, и начинает затем течь по равнине, мне пришлось встретить красивый каменный карадам с каменной-же галлереей впереди: галлерей тут образуется двумя колоннами, соединенными между собой и с выступами боковых стен маленькими арками.

Карадамы в Нагорном Карабахе давно уже перестали строиться: мужчины, уходящие на заработки в Баку, Ленкорань, Грозный и в Закаспийскую область, возвращаются с новыми привычками, которым уже не отвечают дымные, зимою плохо отапливаемые, темные и сырые подземные жилища предков. Обилие стекла, жести и др. строительных материалов давало возможность уже оставлять оконные просветы не в крышах, а в стенах, тем более, что умение выкладывать каменные печи или возможность ставить железные печи разрешало проблему отопления, не прибегая к открытому очагу посреди комнаты или в широких нишах-каминах. Дома нового городского типа выросли победоносно во всех селениях, вытеснив карадамы. При всем разнообразии в планах этих новых построек, кое-какие особенности карадама все же в них повторяются. Это, обыкновенно, двухэтажные здания флигельного типа с двухэтажным-же балконом с одной стороны. Нижний этаж и теперь обыкновенно сидит задней стеной в земле склона горы, боковые стены в обоих этажах и теперь обыкновенно выдвигаются вперед, образуя края балконов, причем и теперь как в том, так и в другом этажах в них оставляются ниши — очаги для приготовления пищи. Нижний этаж отводится под склад домашних запасов, в крайне редких случаях для помещения лошади или коровы. Обычно и теперь помещение для скота устраивается от-

дельно. Верхний этаж предназначается для жилья и приема гостей и до последнего времени представлял одну обширную комнату, без нар (тахт) и др. мебели; постели на ночь раскладывались на коврах на полу, а днем собирались в углу, по старому обычаю, в четырехугольные башенки. Однако, и теперь летом все предпочитают спасаться от зноя в нижнем этаже, тем более, что балкон в верхнем этаже часто остекляется и потому днем до крайности наколяется (считается особым шиком иметь стеклянную галерею; впрочем, тут сказывается все еще не исчезающая старая привычка скрываться от любопытных взоров соседей и проходящих): внизу и прохладнее, и приятнее спать прямо на земле, на разостланных коврах, по-старинному.

Окна в настоящее время проделываются в боковых стенах, обыкновенно в сторону балкона. Население очень боязливо переходит к этому новшеству: окна везде снабжаются железными решетками, нередко с очень оригинальными узорами. Этот страх перед боковыми окнами характерно отмечается в пристройках меликов Шахназарян. После установления русского владычества, как известно, меликские мальчики получали воспитание на казенный счет в кадетских корпусах и других военных училищах и затем поступали в офицеры. Уже полковниками или генералами они возвращались на покой, в свое родовое имение, в Аветараноц, и здесь, конечно, не могли жить в карадах и возводили для себя новые помещения. Такие, очень ранние „генеральские“ покои сохранились у амарат'ов мелика Сеира. Тут по одной комнате прямо пристроено спереди к первому и третьему карадаму (из ряда в три карадама); они перекрыты продольным сводом во всю длину комнаты; большая часть земляного пола на шесть вершков приподнята: здесь работал и спал „генерал“. Окна оставлены в боковых стенах очень высоко и смотрят во двор своими узенькими отверстиями, широко раздвигающимися во внутрь: снаружи окна имеют $1\frac{1}{4}$ арш. вышины и едва 6—7 вершк. ширины, а внутри более сажени вышины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины ⁶.

От конусообразных крыш карадамов в Н. Карабахе новые постройки перешли не к плоским, глинобитным крышам (как на Эриванской, Ширакской или Эрзерумской сухих равнинах), а к крышам покатым, крытым жестью и кое-где только черепицею: сравнительное обилие атмосферных осадков имело в этом случае решающее значение.

⁶ Отопление этих „генеральских“ покоев производилось при помощи изящного камина в персидском стиле.

Заканчивая описание карабахского карадама и его пережитков в новых постройках, я воздерживаюсь пока от сравнения его с крестьянскими домами других частей „Армянского Нагорья“, где, по имеющимся данным, не встречается *свободно* стоящих внутренних колонн и потолочное перекрытие производится постоянно сбуживающимися квадратами, идущими не параллельно к квадрату стен, а пересекая углы друг друга, иногда давая в результате восьмиугольники: здесь колонны устанавливаются по паре у самых стен, на равном расстоянии от углов, служа подпоркой для пересекающих углы бревен. Для подобных сопоставлений необходимо иметь под рукою подробные и проверенные материалы по крестьянской архитектуре областей Эрзерума, Эрзинджана, Харп'ут'а, Муша, Хныса, Вана, Эривани, Лори, Казаха и др. местностей. Однако, изучение уже одного карабахского карадама дает полное основание ставить в непосредственную связь с его планом план жаматунов, хотя-бы тех из них, тип которых повторяется в монастырях Г'ошаванк'а (церковь Иоанна), Кечариса-Дарачичага, Санаина и др.⁷. Пристройки эти возникли очень поздно, в XI в., на армянской почве и, служа в большинстве случаев родовыми усыпальницами и не имея ничего общего с храмовыми пристройками соседних христианских стран, придерживаются традиций не церковных зданий, а скорее частных жилищ. Ближайшее определение этой связи плана карадама с жаматуном, как и выяснение вопроса о технике возведения купола станут возможными лишь после сводки всего материала, касающегося конструкции крестьянских домов в других районах Армении.

Ст Лисициан.

Эривань, 1925 г.

⁷ См. Т'. Т'ораманян, *Գաւրթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ*, — „Ազգադրական Հանդէս“, кн. XXI (1912), стр. 5—33; I. Strzygowski, *Baukunst der Armenien und Europa*, Wien 1918, S. 236, 820 и. а.